

**АЗАРЕНКО
СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

УДК 141

**СОВЕРШЕННОЕ СООБЩЕСТВО
КАК СООБЩЕСТВО БРАТСТВА**

Аннотация. В статье обосновывается топология возможного совершенного сообщества, которое имеет в своей сердцевине идею братства. Под Братством понимается некое содружество, единство которого основывается на общности взглядов и жизненных установок. Русский мыслитель Н. Ф. Федоров был первым, кто помыслил сообщество братства как совершенное сообщество, и при этом для всего человечества в целом. В современности Р. Барт и Дж. Агамбен обратились к теме сообщества братства. Тема монашества разрабатывалась нашим отечественным исследователем С. С. Хоружим. Им же была предложена конструктивная критика «постчеловеческой социальности». Разработка совершенного сообщества – *актуальная тема современности*. Целью статьи является разработка модели совершенного сообщества с опорой на идею монашеского братства. В работе показано, что это сообщество, порождается духовным взаимодействием и в нем индивид существует в определенном собственном ритме. Поведение братьев задается правилами, которые ими не просто исполняются, но именно *проживаются* и превращаются в форму жизни. *Научная новизна* лежит в топологической направленности исследования возможности сообщества братства как совершенного сообщества. В понимании схемы социальности мы опираемся на «восходящую онтологию» М. Деланда, которую дополняем концептами «дом» и «страна». В результате схема социальности принимает следующий вид: «индивиды – дом – институты – город – государство – страна». В качестве *основных выводов* подчеркивается, что братство конструируется в виде «братья – дома – практики – самоорганизующееся и самоуправляемое братство – государство – страна» и являются совершенной социальной формой сообщества. Современность в след за Р. Брандотти мы называем «постчеловеческой социальностью», в ней людям приходится сосуществовать с нечеловеческими сущими – машинами, роботами, киборгами и искусственным интеллектом. Мы полагаем, что человечество сможет конструктивно взаимодействовать с искусственным интеллектом, если радикально духовно преобразится и в результате будет способно разработать совершенное сообщество по типу монашеского братства.

Ключевые слова: социальная топология, постчеловеческая социальность, телесность, схема «индивиды – дома – институты – города – государство- страна», идиоритмия «братья – дома – практики – самоорганизующееся и самоуправляемое братство-государство – страна».

Sergey A. Azarenko

**Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin, Russia
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru**

THE PERFECT COMMUNITY AS A COMMUNITY OF BROTHERHOOD

Abstract. The article substantiates the topology of a possible perfect community, which has the idea of brotherhood at its core. Brotherhood is understood as a kind of commonwealth, the unity of which is based on common views and life attitudes. Russian thinker N. F. Fedorov was the first to conceive of a community of brotherhood as a perfect community, and at the same time for all mankind as a whole. In modern times, R. Barth and J. Agamben turned to the topic of a community of brotherhood. The topic of monasticism was developed by our domestic researcher S. S. Horujy. He also proposed a constructive criticism of “posthuman sociality”. The development of a perfect community is a relevant topic of our time. The purpose of the article is to develop a model of a perfect community based on the idea of monastic brotherhood. The work shows that this community is generated by spiritual interaction and in it an individual exists in a certain rhythm of his own. The behavior of brothers is determined by rules that they not only follow, but live through and turn into a form of life. The scientific novelty lies in the topological focus of the study of the possibility of a fraternity community as a perfect community. In understanding the scheme of sociality, we rely on the “ascending ontology” of M. Deland, which we supplement with the concepts of “home” and “country”. As a result, the scheme of sociality takes the following form: “individuals – home – institutions – city – state – country”. As the main conclusions, it is emphasized that fraternity is constructed in the form of “brothers – houses – practices – self-organizing and self-governing fraternity – state – country” and is a perfect social form of community. Following R. Brandotti, we call modernity “posthuman sociality”, in which people have to coexist with non-human entities – machines, robots, cyborgs and artificial intelligence.

We believe that humanity will be able to constructively interact with artificial intelligence if it undergoes a radical spiritual transformation and, as a result, is able to develop a perfect community like a monastic brotherhood.

Keywords: social topology, posthuman sociality, corporeality, the scheme “individuals – houses – institutions – cities – state-country”, the idiorrhymia “brothers – houses – practices – self-organizing and self-governing brotherhood-state-country”.

DOI: 10.32691/2410-0935-2024-19-48-60

© С. А. Азаренко 2024

Мы собираемся поднять тему будущего нашего общества в эпоху современного мира, который некоторыми социальными учеными называется «постчеловеческой социальностью». Отныне людям приходится сосуществовать с машинами, роботами, киборгами и искусственным интеллектом. Нам представляется, что человечество способно будет взаимодействовать с этими сущими и особенно с искусственным интеллектом, возможно пользоваться им, возможно интегрироваться с ним, но только, если люди решительно духовно преобразятся и смогут создать некое совершенное сообщество, сообщество братства, аналогичное монашескому братству. Здесь мы будем опираться на идеи Н. Федорова, С. Хоружего, Р. Барта, Дж. Агамбена и М. Деланде.

Но что значит совершенное сообщество? Концепции совершенного сообщества предлагались в истории западной культуры в зависимости от культурных, философских и политических взглядов. Вот, к примеру, некоторые подходы к пониманию совершенного сообщества:

1. «Утопическое сообщество».

Множество разных мыслителей описывали утопические общества как некие идеальные места, где наличествует абсолютное равенство, гармония и справедливость. Подобные общества рисовались в «Государстве» Платона, в «Утопии» Томаса Мора или в совершенном обществе Карла Маркса в коммунистическом обществе.

2. «Либеральное сообщество».

С либеральной точки зрения, совершенное сообщество формулируется защитой прав и свобод индивидов, равенством их возможностей, демократией и верховенством законов. Именно такое общество оказывается способным обеспечить каждому своему члену самореализацию и свободу выбора.

3. «Социалистическое сообщество».

Социалистическая версия совершенного сообщества делает ставку на равенстве в распределении ресурсов и управлении экономикой коллективным способом. Социалистическое общество сосредоточено на социальной справедливости и устранении классовых различий.

4. «Экологически устойчивое общество».

Современные аналитики социальности уделяют особое внимание экологическим аспектам, заявляя, что совершенное общество невозможно без устойчивой и гармоничной связи с природой. Такое общество сводит к минимуму негативное воздействие на окружающую среду и обеспечивает неуклонное развитие для поколений будущего.

5. «Сообщество добродетели».

Философы с древнейших времен, например, Аристотель, думали, что совершенное общество должно у своих граждан развивать прежде всего добродетели. При этом упор делался на образовании и воспитании, которые формируют моральное совершенствование индивидов.

6. «Мультикультурное и инклюзивное сообщество».

В условиях современности идеальным может считаться общество, которое поддерживает и относится терпимо к разнообразным культурам, религи-

ям и мнениям. Кроме того, обеспечивает инклюзию всех своих граждан независимо от их идентичности или происхождения.

Обозревая все данные подходы, можно предположить, что только в своей совокупности они могут способствовать созданию совершенного сообщества.

Между тем, исторически в фокусе внимания у мыслителей оказалась идея братства. Первым, кто о нем завил, причем, совершенно уникальным способом, был наш замечательный русский мыслитель Николай Федоров [Федоров 1982]. Он как представитель религиозного космизма, предложил неповторимое понимание братства, которое занимало центральное место в его философствовании. Его концепция братства была связана с идеями всеобщего родства, нравственного долга и коллективного спасения. Всеобщее родство Федоров понимал как связь между людьми узами братства в силу того, что они являются потомками общих предков. Это родство не ограничивается только живыми людьми, но включает и умерших предков, что создавало идею неразрывной связи между поколениями. На людей Федоров смотрел как на одну большую семью, связанную общим происхождением. Одной из важных идей мыслителя была обязанность потомков перед своими предками. Он полагал, что моральный долг живых людей заключается в том, чтобы воскрешать умерших, что это станет возможным через достижение науки и техники. И поэтому братство для Федорова – это не просто этическая или социальная категория, но и вполне конкретная задача по возвращению к жизни всех людей, некогда живших на Земле. Кроме того, братство в концепции Федорова связано с идеей коллективного спасения, которое в одиночку не достижимо.

Он призывал к объединению всех людей в общем деле преодоления смерти и достижения бессмертия. Согласно мыслителю, такого рода спасение может быть достигнуто только через общее усилие всего человечества, которое должно действовать как единый организм. Философия «единого дела» Федорова – это коллективная работа по изменению природы и общества с целью преодоления всех форм зла, включая самое главное зло – смерть. Это дело должно объединять человечество в братском сотрудничестве, где каждый человек несет ответственность за других. Итак, для Николая Федорова братство – это не просто социальная солидарность, но онтологическое и космическое единство людей, основанное на общей ответственности за судьбу всего человечества, включая прошлое и будущее.

Далее идея братства получила развитие в философии Р. Барта и Дж. Агамбена.

Ролан Барт в своей книге «Как жить вместе: Симулированные просторы в монашеском братстве» исследует вопрос о том, как люди могут сосуществовать в одном пространстве, сохраняя при этом свою индивидуальность и личную свободу [Барт 2016]. Эта работа основана на его лекциях в Коллеж де Франс в 1976–1977 годах, в которых он анализировал различные утопические модели совместного проживания, такие, как монашеские общины.

В концепции «монашеского братства» Барт использует монашескую жизнь как пример структуры, где существует баланс между индивидуальной изоляцией и коллективным существованием. Монашеские братства предоставляют пространство для личного уединения (например, кельи) и одновременно создают общую организацию для совместных действий (молитва, тра-

пеза, труд). Для Барта это становится метафорой или моделью для осмысления различных форм сосуществования в современном мире. Он интересуется тем, как можно организовать пространство и время так, чтобы люди могли быть вместе, не мешая друг другу. Центральный вопрос, который Барт ставит, заключается в том, как совместить стремление к общению и взаимопониманию с потребностью в личной свободе и автономии. Эти размышления Барта оказываются очень актуальными для рассмотрения современных форм социального взаимодействия и общественного устройства, где личные границы и коллективные обязательства часто находятся в сложном взаимодействии.

У Ролана Барта особое место занимают понятия идиоритмии и телесности. «Идиоритмия» – это термин, который Барт заимствует из монашеской традиции. В монашеском контексте идиоритмия означала форму жизни, в которой монахи жили отдельно, сохраняя индивидуальный ритм жизни, но все же в рамках общины. Для Барта этот термин становится метафорой для описания той формы жизни, где возможно соединение автономии и социальной близости. Барт рассматривал идиоритмию как способ существования, в котором каждый человек способен жить в своем собственном ритме (ритме сна, труда, отдыха и так далее), не теряя при этом связи с другими. В лекциях «Как жить вместе» он исследует идею пространства, где люди могут сосуществовать, не подчиняясь одинаковым правилам и ритмам.

Что касается «телесности», то для Барта это понятие связано с субъективным опытом, физическим присутствием и взаимодействием тел. Барт рассматривает тело как нечто, что неразрывно связано с идеями о личной свободе и индивидуальности. В идиоритмическом сообществе телесность играет ключевую роль, поскольку она связана с ощущением времени и пространства, а также с собственной идентичностью. В этом контексте Барт задумывается о том, как человеческие тела могут сосуществовать в пространстве, как они переживают близость и дистанцию, как создают уникальные ритмы и взаимодействия, не нарушая при этом свободу друг друга. Таким образом, для Барта идиоритмия и телесность – это способы осмысления и обустройства жизни, где можно сохранить индивидуальность и автономию, не прерывая связь с окружающими. Он видит в этом возможность построения новых форм социального существования, которые сочетают личную свободу и коллективную жизнь.

В книге «Величайшая бедность: монашеская форма жизни» Джорджо Агамбен рассматривает идею монашеского братства как специфическую форму жизни, которая, по его мнению, имеет революционный потенциал в контексте политической философии и современной культуры [Агамбен 2020]. Агамбен анализирует практики и правила монашеских орденов, таких как францисканцы, чтобы выявить в них определенную модель социального и политического устройства, альтернативного традиционным государственным или экономическим системам. Основная идея монашеского братства у Агамбена заключается в концепции «формы жизни» – такой формы существования, в которой неразделимы жизнь и правовая форма. Монашеская жизнь становится примером того, как можно соединить жизнь и правило в одно целое, что создает новую политическую реальность. Для монашеских братств центральным становится понятие бедности, которая интерпретируется не только как

отказ от материальных благ, но и как способ избежать установленных властных структур и экономических отношений.

Агамбен исследует, как францисканцы, стремясь к жизни в бедности, создали своего рода «недвижимую мобильность», находясь вне традиционных властных структур, что позволило им существовать вне жестких правовых и экономических категорий. Такая форма жизни предлагает способ сопротивления современным механизмам управления, основанным на праве и экономике, и представляет собой пример политической практики, где жизненные действия и правовые нормы сливаются в неразделимую общность.

Таким образом, для Агамбена монашеское братство представляет собой уникальный образец коллективной жизни, не подчиненной государственным законам или рыночной логике, и предлагает перспективу радикальной трансформации общественных отношений.

Обращает на себя внимание монашеский аскетизм в русской культурной традиции. Исихазм, как форма мистического учения, сыграла значительную роль в развитии русской культуры, и С. С. Хоружий, известный российский философ и богослов, выделяет несколько ключевых аспектов этого влияния [Хоружий 2005]. Хоружий подчеркивает, что исихазм повлиял на развитие русской аскетической традиции, особенно в монашестве. Практики молитвы и созерцания, центральные в исихазме, стали важной частью духовной жизни в русских монастырях. Эти практики способствовали созданию особого духовного климата, который определил культурное и религиозное лицо средневековой Руси. С. С. Хоружий отмечает, что исихазм способствовал формированию русской философской традиции, основанной на идеях обожения человека через духовное очищение и единение с Богом. Эта идея оказала влияние на таких русских мыслителей, как Владимир Соловьев и Павел Флоренский, а также на религиозно-философский ренессанс в России в начале XX века.

Исихазм оказал влияние на русское искусство, в том числе на иконопись и архитектуру. По мнению Хоружего, исихастская практика «умного делания» (непрерывной молитвы и внутреннего сосредоточения) отразилась на создании православных икон, которые стремятся передать духовный свет и божественное присутствие. Этот же принцип можно увидеть в архитектуре православных храмов, создающих ощущение божественной трансцендентности. Хоружий подчеркивает, что исихазм помог сформировать уникальную русскую культурную идентичность. Он указывает на то, что идеи и практики исихазма сыграли роль в формировании русского национального самосознания, привнеся акцент на внутреннее духовное совершенствование и коллективное стремление к божественной истине. Влияние исихазма на русскую культуру, по мнению Хоружего, является многоуровневым и охватывает аспекты от философии и теологии до искусства и национальной идентичности, что делает его важным элементом культурного наследия России. Отсюда имеет место особая душевность русского народа.

Душевность в русской ментальности – это одно из ключевых понятий, которое описывает особое отношение к миру и людям. Оно включает в себя теплое, искреннее, эмоциональное взаимодействие, умение сопереживать и поддерживать друг друга. Это понятие глубоко связано с идеалами добра, человеческой близости и простоты в общении. В русской культуре душевность

проявляется через традиции гостеприимства, заботу о ближних и стремление к искренности в отношениях. Это неформальное, глубоко личное отношение, которое можно почувствовать в близких, доверительных беседах, когда люди делятся своими мыслями и чувствами. Душевность также связана с представлением о жизни как о чем-то, что важнее материальных благ. Она проявляется в способности ценить простые радости, моменты тепла и искренности в общении, что особенно видно в русской литературе и искусстве, где герои часто изображены как люди с глубокими внутренними переживаниями и богатым духовным миром. Таким образом, душевность – это одна из основополагающих характеристик русской ментальности, отражающаяся в отношениях между людьми, восприятии мира и жизни в целом.

В целом же специфика русского мировоззренческого канона может быть представлена следующим образом: *совместность (соборность), человек (существо рода, социальное существо), дом (семья), душевность, совесть, справедливость, государство, страна*. Данный тип мировоззренческого канона вполне соотносится с сообществом типа монашеского братства.

Между тем, современному человеку приходится существовать в «постчеловеческой социальности». «Постчеловеческая реальность» – это концепция, используемая в философии, культурологии и науке для описания состояния или мира, в котором человечество больше не находится в центре внимания как определяющий элемент бытия и существования. Она предполагает переход от классического понимания человеческой природы и возможностей к чему-то более сложному, гибриднему и связанному с технологиями, изменениями в биологии и трансформациями общества. В этом отношении интересно ознакомиться с трудами Р. Брайдотти и Юваль Ной Харари.

Р. Брайдотти – философ и теоретик постгуманизма, известная своей книгой «Постчеловек» [Брайдотти 2021]. Она исследует то, как глобализация, технология и экологические кризисы меняют наше представление о человечестве и о том, что значит быть человеком. Ю. Харари – историк и автор популярной книги «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня» [Харари 2019], где он рассматривает, как технологии, такие, как искусственный интеллект и биотехнологии, могут изменить человеческую природу и общество в ближайшем будущем.

Основные идеи, связанные с постчеловеческой реальностью (ПР), включают в себя развитие технологий, таких, как генная инженерия, киборгизация, искусственный интеллект и нанотехнологии, могут радикально изменить физические и ментальные способности человека. ПР включает сценарии, в которых человеческие возможности расширены или изменены за счет технологий, вопросы о том, что значит быть человеком, какие границы существуют между человеком и машиной или другим видом сознания. ПР может рассматривать возможность сосуществования человека с формами жизни, которые не являются человеческими в привычном смысле слова. ПР ставит под сомнение наши традиционные представления об этике, морали, личности, сознании и идентичности. В этом контексте рассматриваются такие вопросы, как моральное право на модификацию людей, права и обязанности существ с искусственным интеллектом, или смысл жизни в мире, где человеческие ограничения преодолены.

ПР может затрагивать изменения в социальной структуре, экономике, политике и культуре. Например, возможно возникновение новых форм социальных организаций, основанных на измененных способностях людей или новых существах. Таким образом, ПР – это многослойное понятие, которое объединяет технологические, философские и социокультурные изменения, предлагая взглянуть на будущее человечество с точки зрения возможного «постчеловеческого» состояния.

Взгляды Хоружего на новые технологии и концепцию «постчеловека» (или «постгуманизма») укоренены в православной антропологии и метафизике. Хоружий рассматривает новые технологии в свете их влияния на человеческую личность и духовность [Хоружий 2016]. Он не отвергает технологии как таковые, но подчеркивает важность их осмысленного и осознанного использования. По его мнению, технологии должны служить человеку, а не наоборот. Хоружий считает, что внедрение технологий в повседневную жизнь не должно происходить за счет человеческой целостности, свободы и духовного развития. Он предостерегает от чрезмерной зависимости от технологий и их влияния на способность человека к внутреннему духовному поиску и самопознанию.

Хоружий скептически относится к идее постчеловека, которая предполагает радикальное изменение человеческой природы посредством биотехнологий, искусственного интеллекта и других научных достижений. Он видит в этом угрозу для традиционного христианского понимания человека как существа, созданного по образу и подобию Божию. С его точки зрения, постчеловек, лишенный своей сущностной связи с Богом и традиционной антропологической структуры, может потерять свою глубинную идентичность и моральное направление. Хоружий утверждает, что постчеловеческие проекты часто игнорируют духовные аспекты человеческой жизни и рискуют превратить человека в объект технической модификации и контроля. По его мнению, такие проекты не учитывают уникальность и бесценность человеческой личности, как понимается в христианской традиции. В целом, Хоружий придерживается взгляда, что любые изменения, которые могут повлиять на человеческую природу и общество, должны оцениваться с позиции их воздействия на духовное здоровье человека и его способность к любви, свободе и саморазвитию. Его подход подчеркивает необходимость баланса между технологическим прогрессом и духовным ростом.

В самом деле, искусственный интеллект (ИИ) может представлять определенные риски для человека. Прежде всего это касается такой темы, как *этические и социальные риски*. К ним можно отнести *дискриминацию и предвзятость*. ИИ может унаследовать предвзятость из данных, на которых он обучался. Это может привести к несправедливым решениям, особенно в таких областях, как судопроизводство, трудоустройство и кредитование. Автоматизация и замена рабочих мест ИИ могут привести к массовой потере рабочих мест, особенно в секторах, требующих повторяющихся задач. Те, кто контролирует ИИ, могут использовать его для увеличения своего влияния и богатства, что приведет к большему разрыву между богатыми и бедными.

Технические риски. ИИ может быть использован для создания опасных технологий, таких, как автономное оружие или продвинутые системы наблюде-

ния, которые могут нарушить личную жизнь и безопасность. Системы ИИ могут принимать неверные решения или давать ошибочные рекомендации, особенно если они плохо спроектированы или обучены.

Экзистенциальные риски. Если будет создан сильный ИИ, обладающий способностями, превосходящими человеческие, он может представлять угрозу для всего человечества, особенно если его цели будут отличаться от человеческих. Есть опасения, что такой ИИ может выйти из-под контроля и стать неконтролируемым. Даже слабый ИИ, действующий в своих интересах, может не учитывать человеческие потребности и ценности, что может привести к нежелательным последствиям.

Социальные и политические риски. ИИ может использоваться для создания фейковых новостей, манипуляции информацией и воздействия на общественное мнение, что подрывает демократические процессы. Развитие ИИ может привести к концентрации власти в руках нескольких корпораций или государств, что может угрожать глобальной стабильности. Таким образом, ИИ может быть полезным инструментом, но его развитие и использование требуют тщательного контроля и регулирования, чтобы минимизировать возможные угрозы и этические проблемы.

Чем может противостоять человек такому стремительному развитию технологий искусственного интеллекта? Нам представляется, что он этому может противостоять антропологическим углублением в духовную сферу своей жизни. Такое углубление может произойти только при посредстве совершенного сообщества. А совершенной социальной формой сообщества является братство: «братья – дом – практики – самоорганизующееся и самоуправляемое братство». Эту форму сообщества необходимо соизмерить с государственной формой устройства.

Здесь мы будем опираться на «восходящую онтологию» Мануэля Деланда. Этот современный философ и теоретик в своих работах о социальной теории предлагает новую онтологию, основанную на философском подходе, который можно охарактеризовать как «нео-материализм». В частности, в своей книге «Новое онтологическое становление в социальных науках» Деланда выдвигает идею, согласно которой социальные структуры и институты не должны рассматриваться как неизменные сущности, а скорее, как динамические «сборки» или «ассамбляжи» (*assemblages*) различных компонентов и процессов [Delanda 2008].

М. Деланда использует концепцию «ассамбляжей» для описания социальных объектов. *Ассамбляж* – это гетерогенное объединение разнообразных компонентов (индивидуальные люди, группы, материальные объекты, практики, дискурсы и т. д.), которое характеризуется временными связями, а не постоянными структурами. Каждый ассамбляж обладает собственными уникальными свойствами, которые не сводимы к свойствам его частей. Деланда выступает за «онтологический реализм», согласно которому социальные феномены рассматриваются как реальные и материальные, а не как исключительно социальные конструкции. Он утверждает, что социальные структуры существуют независимо от нашего восприятия или понимания их. В отличие от традиционного понимания социальной реальности как состоящей из отдельных уровней (индивидуального и коллективного, микро- и макроуровней), Деланда пред-

лагает смотреть на социальные системы как на *сети взаимодействий*, в которых уровни не существуют как таковые, а формируются через процессы внутри ассамбляжей. Деланда вводит концепцию *множественности*, в которой любое общественное образование рассматривается как контингентное, открытое и подверженное изменениям. Это подчеркивает его подход к социальным структурам как к процессам, а не к статическим сущностям.

Деланда отказывается от *редукционистских* объяснений, которые сводят социальные процессы к экономическим или другим базовым факторам. Вместо этого он утверждает, что социальные явления должны пониматься через их многослойную и множественную природу. Новая онтология социальных наук по Деланде дает альтернативу традиционным теоретическим подходам, таким как структурализм и постструктурализм, и открывает возможности для более гибких и динамичных исследований социальных феноменов. Он подчеркивает важность не только социальных, но и материальных аспектов взаимодействия, влияя на такие области, как антропология, социология и философия науки. Таким образом, Деланда предлагает пересмотреть представления о социальной реальности, делая акцент на ее сложной и изменчивой природе, на *множественных взаимодействиях и их временной и пространственной обусловленности*.

Он предлагает следующую схему порождения сообщества: «индивидуальные отношения» – «институты» – «города» – «государства» [Деланда 2017]. Мы эту схему дополняем такими целостностями, как «дом» и «страна». В результате получается следующая схема порождения социальности: «индивидуальные отношения → дом (семья) → институты (различные практики) → города → государства → страна». Все в этой схеме идет «снизу» от «земли», от жизненных проблем людей (граждан), но их проблемы решаются по преимуществу со стороны государства, и поэтому в предлагаемой цепочке мы ставим обратные стрелочки воздействия со стороны государства: «индивиды» ↔ «дома» ↔ «институты-практики» ↔ «города» ↔ «государства ↔ страна».

Данная схема работает в одну и в другую сторону, подобно сообщающемуся механизму, но в специфике наших пространств государство оказывается в заглавной роли и принятие окончательных решений сохраняет за собой. Может быть, поэтому у нас никогда не складывается демократическая форма правления, а превалирует авторитарная форма. Еще Н. Бердяев в своих трудах описывал географические причины формирования русской государственности, рассматривая их как один из ключевых факторов, определивших исторический путь России. Россия представляет собой страну с огромными территориями, которые трудны для освоения и управления [Бердяев 1990]. Эти просторы, по мнению Бердяева, породили необходимость в сильной центральной власти, которая могла бы объединить и контролировать такую большую страну. Это создало предпосылки для формирования мощного государства с централизованным управлением. Суровые климатические условия, особенно в северных и центральных районах, повлияли на особенности хозяйственной деятельности, вынуждая людей объединяться для выживания. Эти условия требовали коллективных усилий, способствующих развитию общинного строя, а затем и сильной государственной власти, которая могла бы организовать необходимые мероприятия для защиты и развития земель.

По мнению Бердяева, отсутствие четких природных границ (как горы или моря) делало Россию уязвимой для внешних угроз и нападений. Это обстоятельство также способствовало усилению государства и его военной мощи, чтобы защищать свои территории от многочисленных вторжений. Россия расположена между Европой и Азией, что создало уникальную цивилизационную миссию и идентичность, как соединяющую Восток и Запад. Географическое положение также влияло на международные отношения, торговлю и культурный обмен. Таким образом, география играла ключевую роль в формировании русской государственности, определяя особенности политического строя, национальной идентичности и культурного развития страны.

Заключение

Мы рассмотрели в качестве возможного совершенного сообщества монашеское братство, памятуя о том, что идея братства была предложена Н. Федоровым для всего человечества. Мы распространили идею братства на Россию, опираясь на ее ценностный багаж: *совместность (соборность), человек (социальное существо), дом (семья), душевность, скромность, совесть, справедливость, государство, страна*. Это не означает, что Россия занимает какое-то исключительное место в ряду других стран, просто ее ценностные ресурсы вполне предуготовлены для этого. В ценностном порядке нашей страны особое место занимает идея совместности, которая пронизывает все ее ценности. Не случайно, что такие исторические формы совместного бытия русского народа, как мир-община и дом (семья) формировали важные для братства ценности, такие, как как сочувствие, сопереживание, справедливость, согласие. Россию вполне можно представить через метафору множества «братств», духовных, семейных, ремесленных, производственных, и даже политических.

Взаимодействия в братстве основываются на органических отношениях, но тем не менее они несут потребность в государственной организации общества между людьми. Государство является необходимой формой организации и управления обществом в целом, благодаря которой институционально строится жизнь экономических и политических институтов. И, конечно, государство, действуя в интересах граждан, нуждается в воспитании гражданина с правильным правосознанием. Государство – важнейшая социальная сила общества, которая собирает всю его энергию и направляет ее на решение таких первостепенных вопросов, как безопасность, устойчивое развитие и т. п. В современную эпоху человечеству приходится сосуществовать с нечеловеческими формами социальности – машинами, животными, роботами, киборгами, мутантами и другими виртуальными сущими, а особенно с искусственным интеллектом. С последним, как нам представляется, возможна интеграция и конструктивное взаимодействие, если люди своим духовным углублением и созданием совершенного сообщества будут способны к преобразованию себя. Исследования Р. Барта показали в монашеском братстве такое обустройство жизни, где можно сохранить автономию и индивидуальность, находясь в непосредственной связи с окружающими. В этом он находит возможность построения новых форм социального мира, в котором сочетаются индивидуальная свобода с жизнью в коллективе. Изучение монашеского братства Дж. Агамбеном показало, что братство представляет собой особый пример коллек-

тивного бытия, который происходит вне государственных законов или рыночных механизмов, опираясь на радикальную трансформацию социальных отношений.

Литература

- Агамбен 2020 – *Агамбен Дж.* Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.– СПб.: Изд-во Института Гайдара. 2020. 216 p.
- Барт 2016 – *Барт Р.* Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
- Бердяев 1990 – *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: МГУ, 1990. 256 с.
- Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 324 с.
- Деланда 2017 – *Деланда М.* Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 35–56.
- Федоров 1982 – *Федоров Н. Ф.* Сочинения. Философское наследие. Том 85. М.: Мысль, 1982. 711 с.
- Харари 2019 – *Харари Ю. Н.* Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
- Хоружий 2005 – *Хоружий С. С.* Опыты из русской духовной традиции. М.: ПАРАД, 2005. 445 с.
- Хоружий 2016 – *Хоружий С.С.* Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, 2016. 452 с.
- Delanda M. A. *New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity.* London: Continuum, 2006. 148 p.

References

- Agamben 2020 – *Agamben G.* The Highest Poverty. Monastic Rules and Form of Life. Moscow – St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House. 2020. 216 p.
- Barthes 2016 – *Barthes R.* How to Live Together: Romantic Simulations of Some Everyday Spaces. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 272 p.
- Berdyayev 1990 – *Berdyayev N. A.* The Fate of Russia. Moscow: Moscow State University, 1990. 256 p.
- Braidotti 2021 – *Braidotti R.* The Posthuman. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. 324 p.
- Delanda 2017 – *Delanda M. A.* New Ontology for the Social Sciences // Logos. 2017. Vol. 27, no. 3 (118). P. 35–56.
- Fedorov 1982 – *Fedorov N. F.* Works. Philosophical Heritage. Volume 85. Moscow: Mysl, 1982. 711 p.
- Harari 2019 – *Harari Yu. N.* Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Moscow: Sindbad, 2019. 496 p.
- Horuzhij 2016 – *Horuzhij S. S.* Experiments from the Russian Spiritual Tradition. Moscow: PARADE, 2005. 445 p.
- Horuzhij 2016 – *Horuzhij S. S.* Society and Synergy: Colonization of the Interface. Kazan: Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov, 2016. 452 p.
- Delanda 2006 – *Delanda M. A.* New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. London: Continuum, 2006. 148 p.